

Литературная параллель в истории русской культуры и её педагогический эффект

В истории русской литературы есть уникальное явление - произведения-двойники. Речь идет не только о совпадении заглавий, но и о сознательной установке авторов на «переработку» первоисточника, уяснение «чужого» через «свое». Это и «Капитанская дочка» А.С.Пушкина, во многом использующая сюжетную схему «Рассказа моей бабушки» А.П. Крюкова, и пушкинский вариант загоскинского «Рославлева» и др.

Во всех перечисленных случаях, связанных с тем, что автора, взявшегося за новый вариант, не устраивает разработка характера, мотивировка поступков, наконец, просто сюжетная схема, помимо того, что новое произведение - это обязательно новая, художественная концепция («новый узор по старой канве»), но это и форма выражения по отношению к первоисточнику, способ выражения этической оценки.

Начало XX века характеризуется художественным переосмыслением прошлого. В этом русле создает свои «мистификации» П.П. Муратов. «Смерть Рудина» - одна из них. Изложенная повесть - мистифицированный документ, принадлежащий якобы одному из родственников Рудина, ныне живущих в одной из российских губерний. Создавая свою версию тургеневского героя, автор продолжает роман, дополняя его подробностями, будто бы выпущенными Тургеневым. Судьба Рудина, осмысленная в ретроспективе, рассказана при помощи реконструкции «провалов», «темных мест». Разрушив границы между литературой и жизнью, между литературными персонажами и их несуществующими прототипами, Муратов добивается определенного эффекта. Персонажи вполне узнаваемы, но ощущается, что «тургеневский текст» подвергся переработке в духе иного времени, другой эпохи, которая осмысляет его в свете культурных представлений. Оценивая героев романа Тургенева в последующей перспективе, как историко-литературной, так и историко-культурной, автор сохраняет логику характера Рудина и других персонажей. Произведение написано в «духе Тургенева», но не по Тургеневу.

Смысл «мистификации» заключается в том, что автор берет за основу события, уже описанные у Тургенева, прокручивая судьбу Рудина на новом витке. Парадоксально то, что даже на фоне сниженных портретных зарисовок с владельцев «дворянского гнезда» (куда включены полулегендарные, полуанекдотические подробности их предшествующей жизни), Рудин не выглядит «гениальной натурой». Муратов усложняет сюжет, чтобы оттенить последствия рудинского влияния на молодежь. В единый сюжетный узел стянуты старая и новая любовь; две жертвы Рудина оказались лицом к лицу, его воспитанник Володя - проекция Наталии Ласунской. Муратов словно нарочно ставит героев в ситуации романов начала XIX века, в частности, пушкинского «Евгения Онегина» (последняя встреча героев в финале). В новом ва-

рианте это «роман без героя». Володя проникает в дом Натальи Алексеевны Волынцевой, чтоб передать письмо Рудина, где его застает муж. Володя не просто «чудесный помощник», он подставное лицо, которое подменяет героя, тень, двойник, чувствующий, переживающий, думающий за него, совершающий поступки, которых сам Рудин не мог бы совершить. Это Рудин, каким бы он мог бы быть, если бы избавился от себялюбия, эгоцентризма, отдался во власть непосредственных чувств. То, что автор лишает Рудина возможности встречи, говорит о его неспособности ни на какой поступок. Так Муратов устраивает герою «вторую» проверку, которой он совершенно не выдерживает.

В новом варианте судьба персонажа еще более драматизирована. Автор подает события в двойном освещении. С одной стороны, последствия влияния Рудина трагичнее (доведен до самоубийства воспитанник Володя, слишком горячо воспринявший «волшебные пейзажи любви»), с другой - само самоубийство оказывается фарсом (пистолет был не заряжен, оставлена тетрадь «Моя исповедь»). Так, автор судит героя, прочерчивая перспективы ситуации, ставя проблему ответственности за слово, и в то же время подчеркивает измелчание самих жертв.

Парижское бытие Рудина реализуется под знаком двойничества. Незнакомец, произносящий высокие речи о будущем освобождении, - это Рудин в зеркальном отражении. Роль его как приживальщика более отчетливо обозначена у Муратова (Рудин ожидает издания своего Проекта за счет республики). Последующая сюжетная жизнь Рудина - это комическое «деяние» и неиссякаемое говорение всегда и везде.

Образ Рудина у Муратова разворачивается между двумя полюсами: между случайностями бытовой судьбы героя и его «волевыми» устремлениями. Все парадоксально перевернуто. Случайное обретение покровительства и «дома», затем случайное стечение обстоятельств, приведшее к изгнанию из дома, но при этом Рудин ловко смог получить средства для спокойного дальнейшего существования. «Плетение словес» о революционном переустройстве, болтовня, уничтожающая самый смысл понятия, напоминающая репетиловское «шумим, братец, шумим». И авторское замечание, обнажающее суть рудинского положения: «Революция также не шла теми путями, какие он намечал для нее: никто не прислушивался к его советам, не обратился к нему за помощью, не уверовал в его формулу». Судьба Рудина спроецирована на судьбу Павла Петровича Кирсанова, который свое человеческое достоинство сохранял, соблюдая обычные ежедневные привычки.

Лаконизм тургеневской манеры подменен подробностями погружения во внутренний мир героя. Ирония усилена тем, что выстраивается однолинейный ряд: мгновенная реакция Рудина, когда он бросился на помощь раненому, «опрокинута» описанием его внутреннего порыва: «Сердце его разрывалось, и жажда подвига в нем сменило желание жертвы». Поведение Рудина в муратовском варианте рационализировано до предела, домыслено, абсурдизировано. Финал - цитата из Тургенева, т.к. «красивая» смерть героя, по мнению автора, не подлежит обсуждению. Автор надевает маску, скрываясь за

тургеневским словом, тургеневским видением, его концепцией героя. Параллели сошлись, но эффект расхождения продолжает действовать. Рудин, воспринятый сквозь призму историко-литературной и историко-культурной перспектив, оказывается комичной фигурой. Это герой, у которого никогда не было настоящего. Живущий либо в воспоминаниях, либо в грезах, он легко может быть замещен кем угодно. Это человек, опошливший высокую идею болтовней, отдавшийся во власть самообманов, живущий в противоречии с самим собой. Неуместный человек с перевернутой судьбой и вывернутой наизнанку душой.

Так, литературная параллель, освобождая от «романтизма» в мире нравственных оценок, позволяет прояснить реальный смысл нравственных понятий.